

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Александр Рогинский

Исчезновение

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рогинский А.

Исчезновение / А. Рогинский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

На сцене театра идет спектакль, в котором главный герой должен застрелить свою жену. Вот он поднял пистолет и вдруг...исчез.Подумали — фокус, заплотировали. Но это был не фокус. Трое друзей, ставшие свидетелями происшествия, задаются вопросом — что произошло? Каждый предлагает свою версию - эколог, специалист по сопротивлению материалов, композитор.Но все оказывается...

© Рогинский А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Александр Рогинский

Исчезновение

Шел пятый акт пьесы «Скорей домой», в которой актер Богдан Парамонов убивал (какой сегодня спектакль без трупов?) свою жену. Только он поднял пистолет и собрался стрелять, как внезапно... исчез. Словно корова языком слизала. Вместе с пугачом, купленным на Петровке по доступной цене.

Зал некоторое время находился в замешательстве – верить фокусу или нет, решил все-таки отметить удачный режиссерский прием аплодисментами.

Но через несколько минут было уже не до аплодисментов. На авансцену вышел бледный директор театра и, держась за сердце, осипшим голосом сообщил, что актер Парамонов пропал в неизвестном направлении.

В зале поднялся шум, смахивающий на панику. Зрители уходили в недоумении, склоняясь к мысли, что их все-таки надули.

* * *

– Все очень просто, – сказала Даша, – на сцене есть такой лифт, с помощью которого актер опускается вниз. Много раз видела.

– Есть, есть, – подтвердил Давид. – Видно, так они халтуру свою скрыть хотели. Или актер, который должен был участвовать в сцене, запил и не явился. Директор, хоть и держался за сердце, а не очень переживал, я заметил.

– Ни то, ни другое, – убежденно возразил Валентин. – Парамоша просто растворился в воздухе. Если бы он спускался на лифте, то была бы совершенно другая картинка.

Трое друзей настолько углубились в разбор происшедшего, что зашли в кафе «Старый квартал» и заказали пиво и кофе.

Происшедшее давало пищу для раздумий. Все видели, что актер исчез, именно исчез – распался на части.

Это слово произнес Валентин.

– Он распался, я видел – мгновенно мелькнувший, как в разбитом зеркале, кусок лица бедолахи.

– В конце концов, это же не Копперфильд со своей дорожкой техникой. Это всего лишь захудалый бедный театр, в котором и зарплату выплачивают нерегулярно, – заключил Давид.

* * *

Любовь Андреевна Стульская ничего понять не могла. Именно сегодня она собиралась после спектакля объясниться с Парамоном, в театре на них уже косо поглядывали. И вот на тебе – такой сюжет. Парамон исчез. Да так, как только он умел – с чудесами.

Впрочем, директор Гавриил Доля был другого мнения. Он считал, что Парамон сбежал после первого отделения на свидание. С ним такое бывало.

– Как же так! – возмутилась Люба. – Его видели на сцене с пистолетом. Я не успела выйти даже, как он исчез. Это он такой фокус придумал, я Парамона знаю.

Директор Доля посмотрел на актрису с сожалением.

– Какие такие фокусы могут быть в нашем реалистическом театре? Фокусы денег немалых стоят, а у нас денег нет.

В театре творилось черти что. Многие не видели исчезновения Парамонова со сцены, так как спектакль был малобюджетным – в нем было занято всего семь актеров.

Начали искать Парамонова. Звонили домой, но жена Люся сказала, что ее муж на службе. Обзвонили друзей, никто ничего внятно объяснить не мог.

Вызвали милицию. Приехал толстый капитан, приходил он и к Любе.

– Как вы полагаете, – спросил капитан Любу, – мог бы каким-то образом вот так исчезнуть со сцены ваш партнер, ведь кажется, он собирался по пьесе вас убить на виду у всех?

Сразу было видно, что в театр капитан не ходит. Люба таких уважала.

Если бы можно было, и она бы сюда ни ногой, но на жизнь зарабатывать она больше ничем не умела.

Что она могла ответить капитану?

Люба закрыла глаза, будто восстанавливая сцену и подсматривая, куда это мог исчезнуть Парамон.

– Он исчез. Вот представьте, я выхожу на сцену в предверии своей смерти (как вы верно заметили, Клим по пьесе должен меня убить), а Парамона нет. Я успела заметить только, как он распался на куски.

– Распался на куски? – изумленно спросил капитан.

– Именно так. Распался. И больше я его не видела. И, наверное, не увижу.

И Люба вытерла красивым оранжевым платком уголки глаз.

Капитан Анатолий Засуха укоризненно посмотрел на актрису. Говорит черт знает что, а, наверное, высшее образование имеется. И семья есть.

– У вас семья есть? – спросил Засуха.

Люба вздрогнула и подозрительно посмотрела на капитана.

– Что вы сказали?

– А – ничего. Я пошел, а вы подумайте.

О чем должна была подумать Люба, она так и не поняла. Наверное, о своем участии в случившемся эпизоде. Так она и без совета этого толстого, на котором мундир расползался, капитана (наверное, взятки берет и все проедает) думала бы. Такого в ее жизни еще не случилось.

В театре спектакли на некоторое время прекратились, репетиции проходили вяло, на них ходили лишь актеры-репертуарщики, играющие на сцене едва не каждый день. А Люба была «одноразовая». Так что для обдумывания случившегося времени было достаточно.

Вслед за капитаном явился директор, уселся в еще теплое кресло.

– Вся надежда на тебя, Любочка. Его надо похоронить, а это сможешь сделать только ты.

Люба судорожно вскочила.

– О чем вы говорите, Гавриил Никифорович, кого хоронить?

– А этого, – махнул вверх рукой директор театра.

– Но он же не умер!

– Он умер, я вынужден его роль поручить...

– Нет, вы полный сумасшедший, Гавриил Никифорович, вы такое несете. Наверное, у вас разум помешался.

Гавриил Доля и сам так думал. Поэтому в глубокой задумчивости почесал затылок.

– Ты права, Любочка. С чего я взял, что он умер... Вспомнил. Мимо меня что-то такое пронеслось, едва не задело за плечо. Я подумал, снова у нас поселился голубь. Но это был не голубь. Это был он. Его Дух.

– И этот Дух толкнул вас плечом?

– Каким плечом, я разве говорил про плечо?

– А кто же мне сказал, или вы думаете, что я способна такое выдумать?

Гавриил Доля встал и заходил по узкой примерке, в сантиметре ставя свою ногу в тяжелых английских ботинках рядом с небольшой ножкой Любы, одетой в домашние тапочки, которые ей подарила еще бабушка Вера.

Люба внимательно следила за передвижениями директора и, не выдержав напряжения, убрала ногу под кресло.

– Что это с нами всеми происходит, какие-то помутнения в мозгах, скажи, Люба, нам это все не снится?

– Судя по тому, что я вас вижу перед собой, мы находимся в реалистической жизни.

– А разве во сне я не смог бы тебе присниться?

– Во сне нет запахов, а здесь есть.

– Запах?

– Да, Гавриил Никифорович. Отчетливый запах пота, исходящий от вас.

Доля остановился на мгновение.

– Я когда нервничаю – начинаю потеть. Это верно.

Люба хотела сказать, чтобы он волновался подальше от ее примерки, но не сказала, ей внезапно так захотелось спать, что она едва не грохнулась на пол.

– Вы, наверное, – сказала она шепотом директору, – идите пока к себе, а то уже дышать нечем в моей конуре, я спать хочу. Очень спать хочу.

И не дождавшись ухода директора, Люба уронила голову на стол. И, едва успев подложить под нее две маленькие и стройные ручки, провалилась в никуда.

Директор Доля дернул головой и вышел, бормоча себе под нос.

Люба приоткрыла оба глаза и стала похожей на аллигатора из Зоологического музея, который спал с открытыми глазами всю жизнь с совершенно неподвижным туловищем. Люба пошарила глазами по пространству и снова улетела в сон.

* * *

Дарья Саперова в 17 лет закончила экстерном университет по специальности эколог. Мать, всю жизнь проработавшая в районной библиотеке, иногда задумчиво смотрела на Дарью и качала головой. В кого же она уродилась?

Наверное, все-таки в нерадивого отца, который погиб под лавиной. Сколько умоляла бросить эти экспедиции, он только обещал. А как-то в пылу ссоры сказал ей самое обидное, что может сказать муж жене:

– Это я от тебя сбежал в горы.

У Дарьи его характер. В детстве она игре с детьми предпочитала сидение букой в углу. Воспитательница жаловалась, что она растет нелюдимкой. Да и сама Варвара Романовна видела, что дочь у нее особенная.

А когда Дарья стала объяснять учителям в школе предмет, который они читали, стало совсем весело.

Сколько раз вызывали Варвару Романовну в школу и деликатно объясняли ей, чтобы забрала своего вундеркинда в спецшколу – эта девочка только пугает детей и учителей. Учителям стыдно ее вызывать к доске, так как они боятся ее издевательских знаний.

Но Варвара Романовна не забрала из школы Дарью, нашелся другой выход. Она добилась в министерстве, чтобы Дарья сдала школьный курс экстерном и перестала мучить учителей и веселить своих одноклассников.

Школьных учителей она перестала мучить, но начала мучить университетских. В университете, куда ее не хотели принимать, но куда она все-таки поступила, сдав экзамены министерской комиссии (Варвара Романовна взяла Кабинет министров приступом), Дарья все также начала объяснять преподавателям их предметы.

Но дошла до профессора, заведующего кафедрой, эколога Ивана Дмитриевича Логинова, автора книги «Живая Земля». И прекратила «гнусные штучки», как прозвала антипедагогические действия дочери Варвара Романовна.

Первым вопросом при собеседовании у Логинова к Дарье был:

– Вы любите природу?

– Конечно, я даже иногда пейзажи пишу карандашные, краски мажутся.

– Значит, под природой вы понимаете пейзажи?

– Почему же? Реки, моря, животные – все, все.

– А себя как бы царем природы, то есть выше ее?

– Э...э – нет, меня на этом не поймаете. Хотите, я скажу, что вы бы хотели услышать?

– Валайте, – с интересом разрешил профессор.

– Что я сама природа, что от меня зависит, что с ней будет, а поэтому...

Логинов основательно покачал головой, остановил на мгновение взгляд на шустрой студентке.

– Вы первая у меня такая сообразительная. Поэтому я вас порядочно нагружу. Кому много дано – с того много и спрашивается.

Прозвучало угрожающе.

– Вообще-то я не трудоголик, – постаралась выскользнуть Дарья.

– Мне трудоголики и не нужны – это больные люди. А больные должны лечиться, а не двигать науку вперед.

– Конечно, наука не шкаф, чтобы ее двигать, – игривым баском сказала Дарья. – Но я согласна на подвиги.

С первой встречи между ними установился такой легкий тон, будто они играли в прятки и не могли договориться, где и как будут прятаться.

Но чаще их разговор был серьезным, профессор только внешне казался рубахой парнем. На деле это был весьма угрюмый тип, к тому же педант.

Если Дарья опаздывала, с ней полдня не разговаривали даже в форс-мажорных ситуациях. Дарья перестала опаздывать.

Если Дарья приходила неподготовленной или, не выполнив поручение, наказание было то же. Откуда-то Логинов выкопал этот метод воспитания – наказание молчанием.

Метод действовал, молчание профессора Логинова многого стоило.

Дарья любила природу. У бабушки на даче она вместе с аистами строила гнездо, а из близкого леса приманила белку – та бегала к ней на свиданья, за что получала орешки.

Там же, у бабушки, Дарья перегородила речку-струйку и развела карасей. Бабушка так и назвала это сооружение – «Дарьин пруд».

Посадила десять яблонь сорта белый налив и столько же груш Бера. Через четыре года Дарьиного хозяйствования бабушкину дачу было не узнать. Теперь это был сад, в котором можно было посидеть у заросшего пруда (Дарья специально его зарастила), пощелкать костяшками и через несколько секунд иметь на ладони пушистую белку – чистящую виртуозно орешки – словно на скрипке играла (почему-то именно это сравнение приходило мгновенно Дарье).

Бабушка гордилась внучкой, всем говорила, что благодаря таким серьезным девочкам, как Дарья, наша земля еще существует, потому что большинство природу уничтожают – машинами, мусором, своей малокультурностью...

– Земля, – говорила бабушка – такое же живое существо, как и мы. До чего же неразумен человек, который гадит там, где фундируется (бабушка любила завернуть словцо) его здоровье и долголетие.

Бабушка так и запомнилась Дарье – сидящей в плетеном кресле, окруженной широким сарафаном, всегда с живыми глазами и не меркнувшим любопытством.

– Мы с тобой, бабушка, – не раз повторяла Дарья, – так бы и жили долго-долго, как было бы хорошо!

– Не получится, внучка, – говорила бабушка, – меня уже зовут туда. Я и так с твоей помощью зажила на этом свете. А меня уже давно ждет моя матушка, сестры, братья. И даже Пушкин. Представляешь, я встречусь с Пушкиным.

Здесь я могу только читать его, а там и поговорить, надеюсь, удастся. А сколько других замечательных людей там живет. Очень хорошо природой придумано: пожил здесь – с дураками – а потом отправляешься к умным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.